

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Майя Петровна Никулина — известный уральский поэт, автор сборников «Мой дом и сад», «Имена», «Душа права», «Колея», «Бабья трава». Относительно недавно были опубликованы ее книги, посвященные истории Урала и его столицы — «Прогулки по Екатеринбургу» (в соавторстве с В.П. Лукьяниным) и «Камень Пещера Гора». Но Майя Петровна — это еще и замечательный педагог, один из основателей гимназии «Корифей», которая дважды выигрывала конкурс на звание «Школы года», а один раз была признана «Школой века». Преподавание в этой гимназии основано на приобщении детей к Земле как макрокосмосу, к ее основным стихиям — камню, воде, воздуху и огню. Умение органично жить в этом сложном мире утрачено современными людьми, в «Корифее» же под руководством мудрых наставников ученики открывают для себя глубинную суть самых обычных вещей и явлений. В этом им помогает и вдумчивое прочтение уральской мифологии, извечной сокровищницы человеческих знаний. В гимназии Майя Петровна ведет курсы «Языкознание для дошкольников» и «История родного края», но содержание ее работы с детьми гораздо шире. Они много ездят по Уралу, посещают и древние поселения, и заводы XVIII века, помогают в создании уникального школьного музея. Отсюда и обращение Майи Петровны к творчеству П.П. Бажова, великого «тайновидца» уральской земли.

Редакция благодарит Майю Петровну Никулину за предоставленный материал.

М.П. Никулина

ПРО ЗЕМЕЛЬНЫЕ ДЕЛА И ПРО ТАЙНУЮ СИЛУ...

(О дальних истоках уральской мифологии П.П. Бажова)

Бажов для Урала — явление знаковое: такое же, как рудные горы, чудские копи и самоцветные россыпи. И главным символом Урала (завода, арсенала и опорного края державы) считается не доменная печь и не демидовская пушка, но бажовская малахитовая шкатулка — волшебный мифический предмет, привет из подземелья, из другого мира. Теперь на Урале малахита нет, шкатулки делают из привозного — африканского — камня, но покупают и держат при себе всё равно как знак Горы и тайной силы. Такова магия бажовских сказов.

Традиционное толкование «малахитовой шкатулки» как «отражения быта старого горнозаводского Урала и поверий дореволюционных рабочих» сводит эту магию к тонкостям этнографического порядка или объясняет высоким мастерством писателя.

Бажова издавали часто, ценили высоко, практически любое издание его сказов содержит высказывания наших ведущих литераторов «о душе народа, великого труженика, которого не сломало вековое рабство», о творческой сути труда, «о волшебном мире старых уральских сказок» и тому подобные, всегда лестные для Павла Петровича, но, в сущности, игнорирующие его собственные установки.

Прежде всего, он решительно уточнил жанровую принадлежность своих творений. Не сказочник — Сказитель. Сказка — выдумка, это то, что «старухи маленьким рассказывают». Сказ — эпос, он близок к истории, он держится на фундаментальной основе. Что касается магии и мистики, то Бажов не просто признавал их присутствие в жизни и не только писал про это («Про старинное житьё да про земельные дела — это всё помню. Чего не знаю, того не знаю, выдумать не согласен». И снова: «про земельные дела и про тайную силу»), он объяснил

природу этой магии: «Сказы мои уральские — вот в чём главное...»

Стало быть, в месте, в земле.

География бажовских сказов точна до мелочей: в Полевском это было, на Гумёшках, в Косом Броду, возле речки Рябиновки, на том её берегу, возле той берёзы; в руднике, под самой Красногоркой, на пустыре, на месте, где теперь школа стоит...

Эта скрупулёзность имеет принципиальное значение: Бажовский сюжет разворачивается в конкретном, реально существующем месте. И все документальные справки, касающиеся истории рудника или завода, включены в текст именно для подтверждения его (места) подлинности. В сущности, Бажов отмечает место, делает то же самое, что и молва, веками, а то и тысячелетиями охраняющая заповедный объект. Но в отличие от молвы, по природе необразованной и стихийной, делает это с демонстративной точностью и беспримерным мастерством. В результате Гумёшки и Азов-гора сегодня входят в наш культурный обиход так же, как Троя, Асгард или Арарат.

Бажовские места — область наиболее активного бытования уральского рабочего фольклора; это положение общеизвестно. Известно и замечание Бажова о том, что он застал здешний фольклор в состоянии ещё не устоявшемся. То есть он слушал именно молву, всегда удерживающую древние мифы, всегда являющуюся питательным раствором для новых. Мифы хантов и манси помнят мамонта, «Ригведа» и «Авеста» — географию плейстоцена, благословенная Эллада связана с Уралом верными мифологическими сюжетами... Здешняя память уходит в тысячелетние глубины.

Сказы про гору и Хозяйку горы из этих же мифологических глубин.

По любому словарю молва — слухи (земля слухом полнится), задача писателя, по Бажову, — слушать: «Наше дело — слушать...»

Бажовские места молва отличала всегда: говорили про чудской народ, про горную матку и древние клады, до срока запертые в горах.

Научные сведения, в данном случае согласные с молвой (к примеру, слова академика С.П. Палласа, исследовавшего Гумёшкинский рудник в начале XVIII века: «сия рудная гора также обработана была некогда неизвестным народом, коего, однако, с прилежанием и знанием в горных промыслах... свидетельствуют многочисленные следы...») решительно поддерживали интерес к древним тайнам...

Бажов слышал о них, встречал и отмечал: «Места были глухие, тайга, кругом топи, ни дорог, ни тропинок. Отыщет старатель богатую жилу, заприметит местность, «знаки» какие надо поставит, назавтра пришёл — ни примет, ни знаков. Будто всё в колодец провалилось...»

Сегодня, когда мы спокойно рассуждаем о тонких энергиях и многомерности пространства, именно это — пропавшие знаки, подмена места — кажутся более интересным. Не золотой змей, ползущий через речку Рябиновку, не длинные руки бабки Синюшки, а то, что герой попадает вдруг в незнакомый ему мир: «Сколько раз на этом месте бывал, а такого ложочка не видывал». Катя уходит в гору (деревья «холодные да гладкие, как камень шлифованный. И трава понизу каменная оказалась») — и люди, шедшие следом теряют её из виду: «Куда она девалась? Сейчас только близко была, а не стало!». Значит, миры — наш привычный, видимый и другие, не видимые для нас, сосуществуют, и пройти из одного в другой можно где-то здесь, почти дома, вот дорога: «Катя мимо Гумёшек бежит. Пробежала рудник, пошла в обход змеиной горки...»

Бажовские места вовсе не значит сказочные. Сказочное место в истолковании не нуждается. Никому в голову не придёт разгадывать, где находится тридцатое царство или отслеживать путь серого волка, везущего туда Ивана Царевича, однако мы веками отыскиваем на картах Земли и неба маршруты Геракла и Одиссея: Чёрное море, Средиземное с выходом в Атлантический океан, совсем недавно появилась версия кругосветного путешествия, и она, разумеется, не последняя.

Бажов представляет нам место конкретное, хорошо знакомое как нечто особенное, насыщенное тайным смыслом и нуждающееся в истолковании: «Шевелить надо умишком-то, что к чему...»

Внимательное прочтение «Малахитовой шкатулки» (речь идёт о сказах Гумёшкинского цикла) заставляет понять, что жизнь, о которой говорит Павел Петрович, вовсе не определяется отношениями угнетённых рабочих и жестоких заводчиков, что главное в ней (этой жизни) отношения человека с землёй, с горой, с подземельем — с земным нутром, с горной маткой. Именно потому он так безупречно точен в отношении географии и геологии, но достаточно свободен в отношениях с историей: в его сказах своё время. И свой особый мир.

Земной. Неба нет. Ни звёзд, ни месяца. Даже в сказах о Ленине (хотя они не входят в сказы Гумешкинского цикла) его нет. Здесь ситуация достаточно показательная: Ленин поднимает над землёй световой колокол, в нём летают мошки, воробьи и гуси, но летают всё-таки под куполом, а не по небу.

Солнца тоже нет. Крайне редко оно упоминается как показатель времени, (солнце шло к закату). Оно появляется в «Двух Ящерках», но только для того, чтобы подчеркнуть могущество Хозяйки. Герой, находящийся в руднике, глубоко под землёй, обессилел и упал в воду: «Так в рудничную мокреть и мякнулся, только брызнуло. Холодная она — рудничная-то вода, а ему всё равно — не чует. Конец пришёл.

Сколько он пролежал тут — и сам не знает, только тепло ему стало. Лежит будто на травке, ветерком его обдувает, а солнышко так и припекает...» Открыл глаза — и видит себя на какой-то лесной горушечке... А это Хозяйка его подняла: она всё может.

Зато есть подземное солнце: «закрылся камень, а внизу как солнышко взошло», поэтому в подземных палатах и штольнях светло. Сила подземного света проявляется неожиданно и действует, можно сказать, выборочно: Танюшка (Степанова дочка; это ему Хозяйка малахитовую шкатулку подарила) достанет камня и радуется: «светло от них, как от солнышка», но вот хитник, который залез к Танюшке в избу, увидев её в Хозяйкиных камнях, закричал и чуть не ослеп, будто солнцем его ударило. После этого случая Настасья (Танюшкина мать) спрятала шкатулку в голбец — в подпол, под землю. Только из-под земли свет пошёл, и когда Танюшка открыла шкатулку, оказалось, что камни ещё краше стали, «и светло от них, как при солнышке».

Небо как вместилище высших сил тоже не упоминается: никто на небо не уповаet и помощи от него не ждёт. Уповают на землю, на гору. Данила-мастер за наукой в Гору идёт, невеста его — за любовью — тоже в Гору. В крайней беде надеются на Хозяйку: «Коли бы такая была, неуж мне бы пособила бы?», а после, когда полегчает, её и благодарят: «Вспомнила, видно, обо мне Хозяйка». Самое интересное, что все они прекрасно знают (от отцов и дедов осталось), что «худому с ней встретиться — горе, и доброму — радости мало».

Понятно, что и кара небесная бажовских героев не пугает. В «Золотых дайках» скитники-начётчики прокляли Глафиру: «Проклята ты в житье и потомстве твоём до седьмого колена. Не будет тебе части в небесной радости и счастья на земле», однако «Небесного Глафира не больно испугалась», а земная доля поправилась довольно скоро. Только счастье своё нашла она под землёй, в змеиной яме и перед этим видела во сне, что над ней «вместо неба земля, и змеи поверху, как верёвки, повешены». Именно здесь она и встретила Перфила — своего суженого, и прожили они всю жизнь в любви и согласии: «через землю обручённые», «через землю венчанные... до гробовой доски». Обычно в таких случаях говорят: браки заключаются на небесах.

И все земные богатства, вся красота земная находятся под землёй, внутри, внизу, в каменной толще: «изукрашено так, что и сказать нельзя... Стены малахитовые с алмазом, а потолок тёмно-красный под чернью, а на ём цветки медные». И деревья там, и цветы, «красота такая, что век не наглядеться». Даже картины будущего человечества разворачиваются под землёй, и ключ к всеобщему счастью, всё ещё не найденный, находится в подземном мире. Что касается кладов, земных богатств, то путь к ним всегда вниз, в гору, в утробу, без божьей помощи, без молитвы. И в церковь никто не ходит. И к попам обращаются крайне редко, притом только плохие люди. Сочень, лакей и жадина, собрался-таки к попу, да и то после того, как усилия бабки-знахарки оказались недостаточными. Зато знаки земли — золотой полоз, голубая змейка, филин, кричащий с берёзы, три куриных пёрышка, перевязанные синей ниткой, — всегда несокрушимо верны и по-своему направляют человеческую жизнь, т.е. заставляют человека жить по определённым, диктуемым землёй и горой, законам. Законы эти на Урале помнят до сих пор; неписанные правила наших легендарных горщиков совпадали с ними почти полностью. «Ищите сами!». Только не болтать, не жадничать, не бояться. «Ходи весёленько, работай крутенько...» — «по своей совести и получишь». «Про гору людям не рассказывай». Тайную силу «потом, чур, не вспоминай». Прежде и детей так учили: камень многое помнит, поэтому нельзя при камне кричать и ссориться, нельзя в руднике шуметь (Хозяйка этого не любит); нельзя в лесу озорничать, птиц обижать, «кто ненароком лебедя подшибёт, добра себе не жди... Такому и вовсе земельное дело бросать надо, потому удачи на золоте после этого не станет». Про коренную тайность был особенный закон: её передавать разрешалось только своему надёжному человеку, из рук в руки и только в смертный час.

Бажовские люди и умирают особенным образом — уходят в гору, в камень, в породу, притом, словно возвращаются домой. Один «умер, как уснул. И гора за ним замкнулась», другой «на руднике около высокого камня мёртвый лежит, ровно улыбается, камушки зелёнькие в руке зажаты»... Танюшка прислонилась к стенке и словно растаяла. Митя «вышел и куда-то девался», Андрюха тоже пропал куда-то, говорили только что «всамделе, видно, покойник, коли через камень ушёл»...

Только вот в самом ли деле? В камень превратиться, в малахитовой стенке исчезнуть, уйти по светлой подземной штольне — значит ли это умереть? Почему после этих превращений история героя продолжается: Танюшку потом в малахитовом платье видели, Андрюха на завод приходил, печи заморозил... Почему человек, прошедший через камень, обретает странную способность проникать из подземного мира в мир человеческий, оставаясь при этом недосыгаемым и неуловимым для людей? Почему умерший («умер, как уснул») человек заперт в горной пещере и похоронить его нельзя до тайного срока? Почему, наконец, сам этот сюжет — про заповедную гору, закрытую камнем и укры-

вающую чрезвычайную тайну, — живёт тысячи лет и старательно передаётся из поколения в поколение? Тайные помещения под египетскими и центрально-американскими пирамидами, под озёрами Кольского полуострова, под тибетской горой Поталой...

Совсем недавно российский учёный Э.Мулдашев (хирург-офтальмолог), по его собственному утверждению, плохо переносящий «общество людей, имеющих склонность к потусторонним мыслям, экстрасенсорике, колдовству и прочим странностям», нашёл в горах Гималаев недоступные пещеры, закрытые камнем, окружённые оберегающей энергией, в которых многие тысячи лет хранился генофонд человечества — люди, находящиеся в состоянии соматии (не мёртвые, но ставшие как камень), но имеющие возможность стать живыми в должный срок. Книга Э. Мулдашева («От кого мы произошли», М., 2000) частично похожа на рассказы о чудесах и читается с неослабевающим интересом. Но ещё более интересно, что о подобных чудесах мы читали в «Дорогом имячке» П.П. Бажова и серьёзнейшим образом были предупреждены: «Не простой это сказ...». Не простой.

Азов-гора издавна была окружена замечательными легендами и слухами: и традиционными (про награбленное богатство и всевозможных разбойников), и специфическими, местными — про старых людей, горорытцев и рудознатцев, когда-то ушедших в гору. Бажов сам говорит, что «охотников в ту пещеру пробраться было много. Всяко старались. Штольни были — не вышло толку. Даже диомит, слышь-ко, не берёт... видно крепкое заклятье на дело положено. Пока час не придёт, не откроется Азов-гора».

Более чем полвека спустя В.В. Соболев («Древние пророчества от времени Атлантиды до Апокалипсиса Нострадамуса», Челябинск, 1997.) уточняет: «в ближайшее время никто не сможет проникнуть, вход в этот город откроется только тогда, когда придёт срок. Что там найдут учёные-археологи? Они найдут колоссальную духовную библиотеку. Всё, что наша культура создала, покажется ничем, по сравнению с ней. Эта подземная библиотека не единственная на Урале. Их приблизительно десять». Далее говорится, что все эти знания сосредоточены не в книгах, но в монолитных кристаллах.

Сегодня способности кристаллов накапливать и удерживать информацию доказаны наукой, это больше не сказки; пластинки из монокристаллов горного хрусталя используются в современных приёмно-передающих устройствах, предназначенных для космической связи. Именно эти свойства — накопление энергии и осуществление связи с космосом, с духами предков, с тайной силой отмечают в мифах об Атлантиде, в преданиях Тибета, Мадагаскара, в средневековых легендах... И у Бажова кристаллы выполняют особую миссию — слёзы Хозяйки — кристаллы, ключ-камень — «им человек землю створит» — кристалл, «простенький на пять граней: три продольных и два поперечных...». Даже пуговка, оставленная Хозяйкой Танюшке

— именно для связи, — «из бутылочного стекла, на простую грань...»

Здесь на Урале кроме земельных дел ничего и нет: все мы — рудокопы, шахтёры, рудничные рабочие, дробильщики, гранильщики — живём и работаем в горе, на стыке земного и подземного миров. И с незапамятных времён люди знают, что Гора — модель мироздания, зримая ось, связующая три мира: верхний, средний и нижний. Именно это нарисовано на глиняных сосудах каменного века и на скалах-писанцах: верхний мир — солярные знаки, средний — люди, олени, лоси и водоплавающие птицы и нижний, уходящий под воду и в землю, в царство смерти и в тёмные бездны. Подобная модель мира существовала у многих народов; обожествляемые горы, пожалуй, у всех. И всегда с горой были связаны боги, духи, титаны, богатыри, небесные прародители, драконы, змеи и (это непременно) заговоренные и заклятые сокровища и тайны.

Пещера — потайное пространство в горе, чрево, материнское лоно земли, нашей общей матери и кормилицы, вход и выход, гора и антигора, встреча двух миров — земного и подземного, в конце концов, жизни и смерти.

Камень — крепость и ключ, защита и ворота, под камнем — клад, пещера, могила, тайна и разгадка.

Что же касается тайных знаний, то они всегда в пещере и под камнем. Существует огромная литература, подтверждающая это бесспорное положение от древнейших мифов, современных легенд, сказок («Сезам, откройся!») и записок графа Калиостро до отчётов научных экспедиций... Более того, тайные знания постоянно ищут: по приказу Наполеона — в Египте и в Испании, по приказу Сталина и Гитлера — на Тибете. И. Рерих был уверен в существовании легендарной Шамбалы и надеялся найти её в Гималаях или на Алтае. А. Барченко, отправляясь в 1922 году на Кольский полуостров (помните Гиперборею), формулировал задачи экспедиции: использование древних знаний на пользу строительства нового мира... Только что (в апреле 2002 года) экспедиция уже упоминаемого Э. Мулдашева отправилась в Египет искать под пирамидами ворота в параллельный четырёхмерный мир.

Камень занимает в нашей жизни чрезвычайно место: мы держим при себе камнители, талисманы и обереги, камни волшебные и врачующие, камни зодиакальных знаков и дней недели. Культ священных камней существует не только у аборигенов Австралии и островитян Океании: могущественный талисман Англии — 200-килограммовая глыба красного песчаника — лежит под сиденьем трона для коронации в Вестминстерском аббатстве; королевский камень Лиа Файн имеется в Ирландии; камни почитают в Норвегии, в Непале, в Японии... Степень нашей преданности камню прекрасно отражают слова (язык всё знает), сборники пословиц и поговорок. «Философский камень», «камень преткновения», «нашла коса на камень», «время собирать камни и время разбрасывать камни», «камень на сердце», «камень с плеч»... В словаре В.И. Даля про камень 3 колонки, 210 строк, и в том числе: «камень —

утёс, гребень, отдельная каменная сопка, гора, скала, хребет, горный кряж, весь Урал...». Тут всё про нас, у нас и Хозяйка — каменная девка...

В мире накоплен огромный опыт общения с камнем: мы связаны с ним интересами хозяйственными, эстетическими, научными, коммерческими, мистическими и т.д. На Урале отношения с камнем решительно сдвинуты в сторону нравственную, философскую и, можно сказать, являются своеобразным тестом на человеческое достоинство. Стоимость камня мало что значило, удачливость горщика определялась не количеством нажитых им богатств, но умением выйти на любой камень, степенью доверия земли. Писатели Д.Н. Мамин-Сибиряк и А. Шубин, много писавшие о добытчиках и обработчиках камня, утверждали, что людей, сделавших больше деньги на камне, здесь не любили и не уважали (не считали своими, здешними), зато Данила Зверев так и остался в памяти как самый что ни на есть уральский горщик: он, продав камни в Екатеринбурге, в родные Колташи возвращался с подводой пряников: «Пусть у всех будет праздник!». Он и умер, не открыв никому известные ему богатейшие места: пусть остаются дома.

Если говорить об отношении к камню и каменнымкладам, то Бажовская «Малахитовая шкатулка» действительно энциклопедия уральской жизни: где искать, как читать тайные знаки, чего опасаться, на что надеяться, сколько брать и брать ли... Здесь всё оговорено старыми написанными законами: «Если лишку захватишь да хоть капельку сбросишь, всё в пустой камень повернётся. Второй раз тоже не придёшь, потому место сразу забудешь». «Замечайте, куда след пойдёт...», «не оглядывайся...».

Бажов про драгоценные камни почти не говорит: цена и блеск его не волнуют. У него своя шкала ценностей: малахит — «камень небывалой радости и широкой силы», «в нём радость земли собрана», а бриллиант — «не похашешь, глаз веселит» — вот и всё.

Особых способностей камня, как то приносить удачу, оберегать от зависти, ревности или дурного глаза, Бажов не признавал (что полностью совпадало с уральской традицией) и свою позицию формулировал предельно точно: «А разговоры эти, какой камень здоровье хранит, покой или сон оберегает, либо там тоску отводит и протча, это всё, по моим мыслям, от безделья рукоделье, при пустой беседе язык почесать и больше ничего».

Но он подробно и тщательно (что мы все поняли, запомнили и узнали) описывает камни, обозначающие тайные входы в гору: «на горочке трава не густая и камешки мелконькие, плитнячок чёрный. Справа у самой руки камень большой, как стена ровный, выше сосен... Никакой щели нет, глубоко в землю ушёл...». И, конечно, указано, где этот камень, на каком месте: «На горке, прямо над Гумёшками...», «из земли два камня высунулись, ровно ковриги исподками сложены: одна снизу, другая сверху. Ни дать ни взять губы...» — это на горке, за Косым Бродом, тропа туда идёт прямо от места, где Жабреев дом стоял...

Механизм проникновения в гору описан детально и внятно: «камень качнулся», «по всей стороне щель прошла», ящерка показала, «в котором месте заходить, в котором выходить», «под камнем лестница открылась»... Опять же герой-избранник попадает в пещеру легко: «нажал на камень — да и туда», чужих она не пускает.

Камень может быть вестью, но тоже из горы, из подземелья в человеческий мир. Именно так Катя истолковала появление камня со знакомым рисунком (взлетающей птицей) — как послание от Данилы, ушедшего в гору.

По Бажову, камень — начало пути через каменный лес, по подземной лестнице, сквозь открывавшуюся гору — в подземное пространство, в царство Хозяйки, тайной силы, стоящей за камнем.

Тайная сила — не только Хозяйка, она многолика. Хозяйка — одно из ее лиц, она сама может обернуться кем угодно: ящерницей, странницей, красавицей в малахитовом платье... Хозяйка — вовсе не спасительница и не заступница. Нет никаких оснований представлять ее поборницей социальной справедливости. Барин наказан не за то, что барин, а за то, что жаден и глуп; приказчик — за то, что бесчеловечен и жесток. Сочень и Кузька Двоерылко (оба рабочие) на чужой клад позарились. В конфликтах социального плана Хозяйка не участвует. Разумней предполагать, что она знает закон общения человека с землей и карает за нарушение этого закона. Вот ее требование: «Хозяйка, мол, Медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели еще будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда опущу, что никак ее не добыть». С этим наказом Степан и пошел к приказчику, так что дальнейшие события («выпороли парня и в гору», «приковали на длинную цепь», назначили несообразный урок, чистым малахитом) устроены самой Хозяйкой.

Хозяйка не заступает за обиженных: она испытывает на прочность: «За приказчика тебя похвалили, а за это вдвое похвалю... Это тебе мое испытание будет». Она отмечает избранных — талантливых, бескорыстных, чистых сердцем, способных вынести знакомство с тайной силой, умеющих умирать (проходить через камень) бесстрашно и спокойно.

И малахитовая шкатулка, которую Хозяйка дарит Степану, побывавшему в Горе, никак не может (цитирую по изданию «Малахитовой шкатулки», 1985г.М. «Просвещение»); составитель и автор предисловия Н.И. Савушкина) напоминать «о тяжелом труде и упорстве добытчиков уральских подземных богатств, о большом искусстве народных мастеров, гранильщиков и камнерезов». Малахитовая шкатулка — не человеческих рук дело, она — весть из подземелья, письмо с точным адресом: «На одного кого тот мастер подгоняет, другому не подойдет, что хошь делай». Пройдя через многие руки и воздав каждому по заслугам (Барин «последний умишко потерял», Паротя «до ремков пропился», «Не поживилась и паротина жена»), шкатулка «со всяким женским прибором» вослед за

Танюшкой ушла в камень, камни обернулись цветными каплями, похватал их барин, но так ничего и не собрал. В том-то и дело, что взять их непросто... На то старинное правило есть: только то богатство крепко, которое тебе в руки подадут. Это касается всех; мастеров в первую очередь.

Мастер на Урале — культурный герой. Он упорядочивает и украшает мир. Со времён древних добытчиков камня и первых металлургов мастер был главной фигурой в обществе, а мастерство — главным критерием оценки человека: стоящий мастер и пустой человек («на огненную работу не гожд, в горе и неделю не выдожит... старатель всамделишный, так, сбоку припёка») — по аналогии с камнем: отборный малахит и пустая порода. По Бажову, именно непригодность к мастерству — причина человеческого ничтожества.

У Бажова есть сказы о мастерах в самом привычном, хрестоматийном значении этого слова (большое умение, искусство в какой-либо области, отличное владение ремеслом): «Чугунная бабушка», «Железковы покрывки», «Живинка в деле», «Иванко-Крылатко». Все они люди штучные, гордые, знающие, одинокие, для них мастерство важнее признания и денег, они — соль земли. И великое их мастерство идёт от земли, от места: это Бажов постоянно подчёркивает: «походит ли баран на беркута — немецкая то есть работа на здешнюю».

Однако самым уральским, самым символическим нашим мастером считается — с лёгкой руки Бажова — не Иванко-Крылатко, сказавшийся талантливей немецких мастеров, и не Тимоха-Малоручка, который изучил до тонкости все здешние ремёсла, но Данила-Мастер, тот, что в горе жил и отмечен самой Хозяйкой.

По Бажову, талант — уже причастность тайной силе, так что именно он (талант, дар) определяет все явные и тайные движения художника. Художник (мастер) совершенно свободен от всех идеологических, социальных и политических контекстов. Все реалии крепостного быта в Бажовских сказках — не более чем фон, внятные детали конкретного места. История Данилы-мастера ни в коей мере не зависит от владеющего им барина: Бажов разводит их откровенно демонстративно: ведь барин «оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопьяча брать», а на изготовление вазы по присланному чертежу отпустил времени столько, сколько ему потребуется. Разногласия Данилы с барином лежат исключительно в плане эстетическом. В сущности разногласий и нет: просто заказная ваза — работа по чертежу, она требует исполнительности ремесленника, а Данила — творец, он красоту камня хочет понять, и это желание, эта тяга, уводит его в гору, из жизни и от жизни.

- «Они каменный цветок видали, красоту поняли...

- Кто каменный цветок увидит, тому белый свет не мил станет...

- Я бы поглядел...

Он вовсе не торопится умирать, и в горные мастера он уходит в порыве вдохновения («Покажи цветок каменный...») столь яростном, что

разница между жизнью и смертью (землёй и подземельем) уже не имеет значения: «Голову разломало. Света не вижу...».

О том, какие горные мастера, Бажов не говорит: коренная тайнось. Но невозможно не заметить, как похожи они на мудрецов и хранителей духа, сокрытых где-нибудь на Алтае или в Гималаях и поныне вызывающих интерес и доверие. Чин горного мастера вызывал самое высокое уважение, но одновременно нечто, похожее на суеверный страх. После того, как Данила пропал, «кто говорил, что он ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал — Хозяйка взяла его в горные мастера»; Катю с тех пор называли «мертвяковой невестой». Факт ухода в горные мастера приравнивался к сумасшествию и гибели.

Платой за проход в гору обычно становится жизнь, во всяком случае, земная. Даниле, уходящему из горы, Хозяйка ставит неперемное условие: «С ней пойдёшь — всё моё забудешь, здесь останешься — её и людей забыть надо». И ещё: «Про гору людям не сказывай». Получается, что тайны горных мастеров не для людей. Или не ко времени.

Есть у Бажова сказ «Ключ земли», очень простой, просто схематичный. Бедная девочка Васёнка оказывается под землёй и видит большое пустое поле, травы и деревья реденькие, «поперёк поля река. Черным-чернёхонька, и не пошевелинётся, как окаменелая». За рекой — горочка небольшая, на ней «камень — как стол, а кругом — как табуреточки. Не по человеческому росту, а много больше. Холодно тут и чего-то боязно».

Потом на каменный стол начинают падать камни — все кристаллы: на простоту, на терпеливого, на удалого да на счастливый глазок... Последним упал этот: «тому, кто верной дорогой народ поведёт. Этим ключом-камнем человек землю отворит, и тогда будет, как сейчас видела»...

А видели мы смерть (пустое поле, неподвижная чёрная река, безлюдье) и воскресение (тепло, светло, птицы запели, река ожила, и людей появилось множество, да все весёлые). Легко заметить, что картина будущей жизни не похожа ни на советский стандарт (здания из стекла и бетона и машины-автоматы), ни на нынешний сильно американизированный: Бажов говорит о жизни, построенной на иных началах, на живой и целой земле.

Другая жизнь — без денег, без корысти и зависти, — уже была. Именно в этих местах, именуемых Бажовскими, здесь жили старые люди, простодушные и чистые, как дети, и отсюда ушли под землю, теснимые жадностью новых, пришлых людей, и здесь, в Азов-горе, оставили клад, заклятый до новых — чистых — времён.

Ключ-камень остался в земле, Азов-гора закрыта до срока, и жизнь меняется мало:

«Денежка похуже барской плётки народ гонит. И чем дальше, тем ровно больше силу берёт». Но неписаный уральский кодекс чести существует, Бажовских героев помнят, а «Малахитовую шкатулку» сегодня почитают как путеводитель по заповедной земле. В этом плане интерес Бажова к персоне художника, человека, наделённого особым даром, весьма показателен. Самодостаточность художника делает его свободным не только от политических и идеологических догм, но и от чисто человеческих слабостей суетности, зависти и корысти; всеведение поэта открывает другие миры.

Так что понятно, почему Хозяйка отмечает мастеров и почему степень её доверия и участия зависит от уровня таланта мастера: «Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу» (точно по уральским законам: «Ищите сами!»).

Бажов понимает, что другие времена наступят не скоро и без нашего всемерного участия, потому и предостерегает от возможных ошибок. Нельзя силой в гору лезть, нельзя придумывать слова, которые сами её откроют. Хотя бывали и такие: «Известно, дураки. Сами потом как без ума станут. Болбочут, а что — разобрать нельзя».

До недавних пор сказывали о Ленине прочитывались как твёрдое обещание светлого будущего. Сегодня такое прочтение невозможно. Денежкин-богатырь, хранитель уральских богатств, передал Ленину все клады и тайны. Но Ленин оказывается человеком, не доверяющим камню. Когда старые горщики приносят ему разные камни и рассказывают о них (прямо в руки подают), Ленин с улыбкой говорит: «Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдётся». В сущности, он отказывается от ключ-камня, открывающего земные богатства на пользу народу.

Если вспомнить древнюю заповедь, что горное богатство лежит в земле в ожидании верного своего хозяина, получается, что Владимир Ильич — вовсе не тот человек, которому это богатство откроется. Он человек проходящий («на тропке показался какой-то проходящий»), значит, мимо идущий, не местный: прошёл — и нет его.

Проходящие люди упоминаются в бивальщинах: они-то как раз и соблазняют людей случайным богатством и толкают к нарушению ритуала и неписаного закона: брать только то, что тебе заповедано, и в меру, и с чистой душой.

Сам Бажов до новых времён дожидать не надеялся. Нас, чему смог, научил. Во всяком случае, не позволил забыть...